

**О ПЕРЕВОДЕ И.А. БУНИНЫМ СТИХОТВОРЕНИЯ А. ТЕННИСОНА «GODIVA»
(ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ)**

*І.А. ПРОСКУРІН. ПРО ПЕРЕКЛАД І. О. БУНІНИМ ВІРШУ А. ТЕННІСОНА «GODIVA»
(ПАРАДИГМАТИЧНИЙ АНАЛІЗ ЛЕКСИКИ)*

Мета статті – оцінити ступінь адекватності перекладу І.О. Буніним віршу А. Теннісона «Годіва», що є інтерпретацією відомого наративу про леді Годіву. Як інструмент зіставлення обраний парадигматичний аналіз лексики, в якому предмет опису – слова чи фрагменти тексту, які утворюють системний ряд як визначення одного або подібних понять чи формують пов'язані перцептивні образи в тексті чи сукупності текстів. Система текстових парадигм (гіперпарадигма) – зміст тексту. Процес опису гіперпарадигми – інтерпретація тексту. Привертає увагу те, що образ Годіви є амбівалентним. Ця амбівалентність полягає у співіснуючих пластах буття, в одному з яких Годіва – дружина графа Ковентрі, а в іншому – символ співчуття як аксіологічного лінгвокультурного концепту. На образному рівні це протиставлення Годіви «вдягненої» та Годіви «роздягненої». М.М. Маковський в дослідженні «Феномен ТАБУ у традиціях та у мові індоєвропейців: Сутність, форми, розвиток» зазначає, що «поняття «роздягнений» у давнину співвідносилось з поняттями «світлий» – «блискучий, полум'яний» – «сонячний» – «божественний» – «божественно даний» (співвідношення «палати» – «бути даним» – «бути, існувати»), а також «той, що має надприродну силу». Характер Годіви у тексті-перекладі відрізняється більшим психологічним загостренням. Серед різноманітних варіантів перекладу субстантиву «*ritu*» Бунін не випадково обирає співчуття – чуйне ставлення до чийого-небудь горя, до чийось переживань. Вибір «співчуття» зумовлюється прагненням концептуально поглибити підпарадигму **МОМЕНТ ПРИЙНЯТТЯ РІШЕННЯ**, збагатити її аксіологічно. У перекладі І. О. Буніна зберігається наративна стратегія вихідного тексту. Сутність образів дійових осіб у тексті-перекладі децю відрізняється від вихідного тексту. Парадигма **ЧОЛОВІК ГОДІВИ** у тексті-перекладі сприяє конкретності опису основної дійової особи. Чоловік Годіви з «волохатим, немов рука Ісава, серцем» – утілення старозаповітного «закону». Годіва – утілення апапе, християнської любові. Проведений аналіз дозволив прийти до висновку про те, що переклад в цілому адекватний оригінальному тексту в збереженні наративних стратегій. Різниця ж, головним чином, полягає в більшій складності парадигматичної організації перекладу в порівнянні з оригіналом, що свідчить про більше багатство його змістовної сторони.

Ключові слова: функціональний підхід у дослідженні мовних явищ, парадигматичний аналіз лексики, мовознавче дослідження поетичного тексту.

И.А. ПРОСКУРИН. О ПЕРЕВОДЕ И.А. БУНИНЫМ СТИХОТВОРЕНИЯ А. ТЕННИСОНА «ГОДИВА» (ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ)

Цель статьи – оценить степень адекватности перевода И. А. Бунины стихотворения А. Теннисона «Годива», представляющего собой интерпретацию известного нарратива о леди Годиве. В качестве инструмента сопоставления выбран парадигматический анализ лексики, в котором предметом описания являются слова или фрагменты текста, представляющие собой системный ряд как определения одного или подобных понятий или формирующие связанные перцептивные образы в тексте или совокупности текстов. Система текстовых парадигм (гиперпарадигма) – содержание текста. Процесс описания гиперпарадигмы – интерпретация текста. Обращает на себя внимание, что образ Годивы амбивалентен. Эта амбивалентность проявляется в сосуществующих бытийных пластах, в одном из которых Годива – супруга графа Ковентри, а в другом – символ сострадания как аксиологического лінгвокультурного концепта. На образном

уровне это противоположение Годи́вы «одетой» и Годи́вы «обнажённой». М. М. Маковский в исследовании «Феномен ТАБУ в традициях и в языке индоевропейцев: Сущность, формы, развитие» пишет, что «понятие «обнажённый» в древности соотносилось с понятиями «светлый» – «блестящий, огненный» – «солнечный» – «божественный» – «божественно явленный» (соотношение «гореть» – «быть явленным» – «быть, существовать»), а также «обладающий сверхъестественной силой». Характер Годи́вы в тексте-переводе отличается большей психологической заострённостью. Среди различных возможных вариантов перевода для субстантива “pity” Бунин не случайно выбирает «сострадание» – «сопереживающее отношение к горю ближнего». Выбор «сочувствия» обусловлен стремлением концептуально углубить подпарадигму МОМЕНТ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ, обогатить её аксиологически. В переводе И. А. Бунина сохраняется нарративная стратегия исходного текста. Сущность образов действующих лиц в тексте-переводе несколько отличается от исходного текста. Парадигма СУПРУГ ГОДИ́ВЫ в тексте-переводе способствует конкретности описания основного действующего лица. Супруг Годи́вы с «волосатым, как длань Исава, сердцем» – воплощение ветхозаветного «закона». Годи́ва – воплощение агапе, христианской любви. Финал стихотворения свидетельствует о победе нового над ветхим, «любви» над «законом» Проведенный анализ позволил прийти к выводу о том, что перевод в целом адекватен оригинальному тексту в сохранении нарративных стратегий. Различие же, главным образом, заключается в большей сложности парадигматической организации перевода по сравнению с оригиналом, что свидетельствует о большем богатстве его содержательной стороны.

Ключевые слова: функциональный подход к исследованию языковых явлений, парадигматический анализ лексики, лингвистическое исследование поэтического текста.

I.A. PROSKURIN. ABOUT TRANSLATION OF TENNYSON'S "GODIVA" BY I.A. BUNIN (THE SIFTING FOR LEXICON'S PARADIGM)

Translated texts make a part of Bunin's idiolect. An evidence of this is Bunin's translation of Tennyson's "Godiva". It is an interpretation of the well-known narration about Godiva. Research's aim is to estimate of approximate level for translated text with paradigmatic sifting of text. Paradigmatic sifting of text is definition for one or more concepts which forms perception image in text or text's content. The hyperparadigm's description is interpretation of text. "Godiva" in text has duality. This duality is two existential stratas. For the 1st of the text's existential strata we can see Godiva like a wife of Coventry's earl. For the 2nd of the text's existential strata we can see Godiva like a symbol for Mercy like an axiological linguistic concept. It is an contraposition between "vestured" and "naked" Godiva. M. M. Makovsky wrote that "for the ancient time concept "naked" correspondence with concept "light" – "brilliant, flamy" – "sunny" – "divine" – "divinely revealed" (correspondence of "to burn, to be revealed" – "to be, to exist") and "which has uncanny Power" ". Godiva's character for translated text is more psychological than original text. Amongst different possible options for translation of noun "pity" Bunin change word with meaning of mercy. And it is not by chance. That change due to tendency for axiologize DECISION'S MOMENT underparadigm. Bunin should of narrative strategy of the original text. The actor's nature of translated text has differences with the original text. GODIVA'S HUSBAND paradigm due to specificity of description for main actor. Godiva's husband with "heart as rough as Esau's hand" is a personification for Old testament's "law". Godiva is a personification for agape. The poem's end is an evidence that love is a winner. T. M. Dvinyatina wrote that «art is a safekeeping for human's chuckles and crucifixions". This is, from Dvinyatina's opinion, "is existential arm of Bunin's legacy". Word "text" has semantic of order. But concept "hypertext" has many connotations which due to question about possibility for understanding of translated texts like a exegetics.

Key words: functional way to research of language phenomena, paradigmatic sifting of lexicon, linguistic research of poetical text.

Цель настоящей статьи – оценить степень адекватности перевода И.А. Буниным стихотворения А. Теннисона о леди Годи́ве, которое представляет собою поэтическую интерпретацию одного из «вечных образов» мировой литературы [4]. Сопоставление оригинала и перевода проводится с помощью парадигматического анализа текста, предполагающего, что «предметом описания становятся слова или более крупные текстовые отрезки, образующие

системный ряд как определения одного или близких понятий или формирующие взаимосвязанные перцептивные образы в тексте или группе текстов. Система текстовых парадигм, т. е. гиперпарадигма, рассматривается как содержательная сторона текста, а процесс описания гиперпарадигмы как интерпретация текста» [8, с. 5].

<p>I waited for the train at Coventry, I hung with grooms and polters on the bridge, To watch the three tall spires, and there I shaped The city ancient legend into this Not only we, the latest seed of Time, New men, that in the flying of a wheel Cry down the past, not only we, that prate Of rights and wrongs, have loved the people well, And lothed to see them overtax`d, but she Did more, and underwent, and overcome, The woman of a thousand summers back, Godiva, wife of that grim Earl, who ruled In Coventry: for when he laid a tax Upon his town, and all the mothers brought Their children, clamoring, "If we pay, we starve!" She sought her lord; and found him where he strode About the hall, among his dogs alone, His beard a foot before him and his hair A yard behind. She told him of their tears, And pray`d him, "If they pay this tax, they starve" Whereat he stared, replying, half-amazed, "You would not let your little finger ache For such as these?" – "But I would die", said she He laugh`d, and sworl by Peter and by Paul; Then fillip`d at the diamond in her ear;</p> <p>Oh, ay, ay, ay, you talk" – "Alas!" she said, "But prove me what I would not do", And from a heart as rough as Esau`s hand, He answer`d, "Ride you naked thr` the town, And I repeat it", and nodding, as in scorn, He parted, with greated strides among his dogs. So left alone, the passions of her mind, As winds from all the compass shift and blow, Made war upon each other for an hour, Till pity won. She sent a herald forth, And bade him cry, with sound of trumpet, all The heart condition, but that she would loose The people therefore, as they loved her well, From then till noon no foot should pace the street, No eye look down, she passing; but that all Should keep within, door shut, and window barr`d Then fled she to her inmost bower, and there Unclap`d the wedded eagles of her belt; The grim Earl`s gift; but ever at a breath She linger`d looking like a summer moon Half dipt in cloud: anon she shook her head And shower`d the rippled ringlets to her knee; Unclad herself in haste; adown the stair Stole on, and, like a creeping sunbeam, slid From pillar unto pillar, until she reach`d The Gateway, there she found her palfrey trapt</p>	<p>Я в Ковентри ждал поезда, толкаясь В толпе народа по мосту, смотрел На три высоких башни, и в поэму Облёк одну из местных былей; Не мы одни – плод новых дней, последний Посев Време́н, в своём нетерпеливом Стремленье вдаль злословящий Былое, – Не мы одни, с чьих праздных уст не сходят Добро и Зло, сказать имеем право, Что мы народу преданны. Годива, Супруга графа Ковентри, что правил Назад тому почти тысячелетье, Любила свой народ и претерпела Не меньше нас. Когда налогом тяжким Граф обложил свой город, и пред замком С детьми столпившись матери, и громко Звучали вопли: «Подать нам грозит Голодной смертью!» – в графские покои, Где граф с своей аршинной бородой И полсаженной гривой, по залу Шагал среди собак, вошла Годива И, рассказав о воплях, повторила Мольбу народа «Подати грозят Голодной смертью!» Граф от изумленья Раскрыл глаза: «Но вы за эту сволочь Мизинца не уколете!» – сказал он. «Я умереть согласна!» – возразила Ему Годива. Граф захохотал, Петром и Павлом громко побожился, Потом по бриллиантовой серёжке Годиве щёлкнул: «Росказни!» – «Но чем же Мне доказать?» – ответила Годива. И жёсткое, как длань Исава, сердце Не дрогнуло: «Ступайте, – молвил граф, – По городу нагая, – и налоги Я отменю!» – насмешливо кивнул ей. И зашагал среди собак из залы. Такой ответ сразил Годиву. Мысли, Как вихри, закружились в ней и долго Вели борьбу, пока не победило Их состраданье. В Ковентри герольда Тогда она отправила, чтоб город Узнал при трубных звуках о позоре, Назначенном Годиве; только этой Ценой облегчить могла Годива Его удел. Годиву любят, – пусть же До полдня ни единая нога Не ступит за порог и ни единый Не взглянет глаз на улицу: пусть все Затворят двери, спустят в окна ставни И в час проезда будут дома. Потом она поспешно поднялась</p>
---	---

<p>In purple blazon'd with armorial gold. Then she rode forth, clothed on with chastity: The deep air listen'd round her as she rode, And all the low wind hardly breathed for fear The little wide-mouth'd heads upon the spout Had cunning eyes to see, the barking cur Made her cheek flame; her palfrey's footfall spot Light horror's thro' her pulses; the blind walls Were full of clinks and holes; and overhead Fantastic gables, crowding, stared: but she all bore up, till, last she saw The white-flower'd elder-thicket from the fled, Gleam thro' the Gothic archway in the wall Then she rode back, clothed on with chastity; And one low churl, compact on thankless earth, The fatal byword of all years to come Boring a little auger-hole in fear, Peep'd – but his eyes, before they had their will, Were shrivel'd into darkness in his head, And dropt before him. So the Powers, who wait On noble deeds, cancel'd a sense misused; And she, that knew not, pass'd: and all at once, With twelwe great shocks of sound, the shameless noon Was clash'd and hammer'd from a hundreed tow- ers; One after one: but even then she gain'd Her bower: whence reissuing, robed and crown'd, To meet her lord, she took the tax away And built herself an everlasting name.</p>	<p>Наверх, в свои покои, расстегнула Орлов на пряжке пояса – подарок Сурового супруга – и на миг Замедлилась, бледна, как летний месяц, Полузакрытый облачком ... Но тотчас Тряхнула головой и, уронивши Почти до пят волну волос тяжёлых, Одежду быстро сбросила, пробралась Вниз по дубовым лестницам – и вышла, Скользя, как луч, среди колонн, к воротам, Где уж стоял её любимый конь, Весь в пурпуре, с червлёнными гербами, На нём она пустилась в путь – как Ева, Как гений целомудрия. И замер, Едва дыша от страха, даже воздух В тех улицах, где ехала она. Разинув пасть, ласково вслед за нею Косился желоб. Тявканье дворняжки Её кидало в краску. Звук подков Пугал, как грохот грома. Каждый ставень Был полон дыр. Причудливой толпою Шпили домов глазели. Но Годива, Крепясь, всё дальше ехала, пока В готические арки укреплений Не засияли цветом белоснежным Кусты густой цветущей бузины. Тогда назад поехала Годива Как гений целомудрия. Был некто, Чья низость в этот день дала начало Пословице: он сделал в ставне щёлку И уж хотел, весь трепеща, прильнуть к ней Как у него глаза оделись мраком И вытекли, – да торжествует вечно Добро над злом. Годива же достигла В неведении замка – и лишь только Вошла в свои покои, как ударил И загудел со всех несметных башен Стозвучный полдень. В мантии, в короне Она супруга встретила, сняла С народа тяжесть податей – и стала С тех пор бессмертной в памяти народа.</p>
---	---

Как в исходном тексте, так и в бунинском переводе может быть выделена центральная (доминантная) парадигма – ГОДИВА. В оригинале: *she did more; Godiva, wife of that grim Earl; she sought her lord; she told him of their tears; she sent a herald forth; then fled she to her inmost bower; and there unclasp'd the wedded eagles of her belt; she linger'd; she shook her head; she rode forth; the deep air listen'd round her as she rode; made her cheek flame; her palfrey's footfall shot light horror's thro' her pulses; but she not less thro' all bore up; till, last, she saw the white-flower'd elder-thicket; she rode back; she gain'd her bower; she took the tax away and built herself an everlasting name).*

В переводе: *Годива, супруга графа Ковентри; любила свой народ и претерпела; мысли, как вихри, закружились в ней и долго вели борьбу, пока не победило их Состраданье; герольда тогда она отправила; Годиву любят; потом она, поспешно поднялась, расстегнула орлов на пряжке, замедлилась, бледна, как летний месяц, полузакрытый облачком; потряхнула головой и, уронивши почти до пят волну волос тяжёлых, одежду быстро сбросила, прокралась вниз по дубовым лестницам – и вышла, скользя, как луч, среди колонн, к воротам, где уж стоял её любимый конь – на нём она пустилась в путь, как Ева, как гений целомудрия; и замер, едва дыша от страха, даже воздух, в тех улицах, где ехала она; тявканье дворняжки её кидало в краску; в мантии, в короне, она супруга встретила.*

Обращает на себя внимание то, что образ Годивы амбивалентен. Амбивалентность заключается в сосуществующих бытийных пластах, в одном из которых Годива – супруга графа Ковентри, а в другом – символ Сострадания как аксиологического лингвокультурного концепта. На образном уровне это противоположение Годивы «одетой» и Годивы «обнажённой». М. М. Маковский в исследовании «Феномен ТАБУ в традициях и в языке индоевропейцев: Сущность, формы, развитие» пишет, что «понятие «нагой, голый» в древности соотносилось с понятиями «светлый» – «блестящий, огненный» – «солнечный» – «божественный» – «божественно явленный» (соотношение «гореть» – «быть явленным» – «быть, существовать»), а также «сильный, обладающий божественной сверхъестественной силой» [6, с. 10].

В целом, рассматриваемые парадигмы совпадают. Расхождение касается степени усложненности системы парадигм – более высокой в бунинском переводе за счёт дополнительных аксиологических коннотаций (*да торжествует вечно Добро над Злом!*).

Помимо событийной парадигмы, концептуальный аспект содержания выражен темпоральной парадигмой (*the latest seed of Time, new men; that in the flying of awheel cry down the past; thousand summers back; for an hour; byword of all years; before they had their will; and dropt before him; the Powers, who wait; built herself at everlasting name – ждал; смотрел; плод новых дней, последний Посев Времени, в своём нетерпеливом стремлении вдаль злословящий Былое; назад тому почти тысячелетие; долго; до полдня; час проезда; тотчас; да торжествует вечно Добро над Злом!; полдень*).

Значительной смысловой нагрузкой в исходном тексте наделена ее подпарадигма МОМЕНТ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ (*the passions of her mind, as winds from all the compass shift and blow, made war upon each other for an hour, till pity won*).

Её содержание в исходном тексте и тексте-переводе различно: если в исходном тексте “passions” («мысли» текста-перевода (словари переводят “passions” как «взрыв чувств» [1, с. 175] “made war upon each other for an hour”, то в тексте-переводе временной отрезок МОМЕНТА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ размыт («долго»).

Это придает характеру Годивы в тексте-переводе большую психологическую заострённость.

Из различных вариантов перевода для субстантива “pity” Буниным не случайно выбран вариант «сострадание» («жалость, сочувствие, вызываемое чьим-нибудь несчастьем, горем» – [7, с. 749]). Выбор «сострадания» обусловлен стремлением концептуально подкрепить, углубить подпарадигму МОМЕНТ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ, обогатить её аксиологически, чему также служит оценочная парадигма (*да торжествует вечно Добро над Злом!*).

Сказанное даёт основание отнести текст-перевод к текстам с БОЛЕЕ сложной парадигматической организацией, в то время как текст-оригинал характеризуется большей ее простотой.

В бунинском переводе сохраняется нарративная стратегия исходного текста (под нарративной стратегией мы подразумеваем событийную канву произведения, его фабулу в понимании Эко [9, с. 59]).

Сущность образов действующих лиц в тексте-переводе несколько отличается от исходного текста, поскольку парадигма ГОДИВА концептуально осложнена дополнительной аксиологической окраской за счёт того, что мотивация поступка Годивы в исходном тексте определяется жалостью к отягощённым бременем налога жителям, т. е. Годива снисходит к народным мольбам. В тексте-переводе это не снисхождение, но сострадание. Парадигма СУПРУГ ГОДИВЫ в тексте-переводе придает описанию основного действующего лица стихотворения большую конкретность. При этом СУПРУГ ГОДИВЫ – отнюдь не отрицательный персонаж. Философская проблематика, имплицитно содержащаяся в бунинском переводе, значительно шире. Это противоположение «закона» и «благодати» Ветхого и Нового заветов. Супруг Годивы, «с своей аршинной бородой и полсаженной гривой» и «жестким, как длань Исава, сердцем», – воплощение «закона» Ветхого завета, сострадающая же Годива – воплощение агапе, христианской любви-милосердия. Финал стихотворения свидетельствует о победе нового над ветхим, «благодати» над «законом», что подтверждает точку зрения Т. М. Двинятиной о «сохранении в творчестве и вечности преходящих человеческих страданий и радостей», что составляет, по мнению исследовательницы, «экзистенциальный стержень творческих усилий И. А. Бунина» [5, с. 136].

С точки зрения текстовой симметрии, в исходном тексте и тексте-переводе можно обнаружить различные виды симметричных конструкций внутри соответствующих

парадигм: изометрия («При тождестве синтаксической структуре и лексики двух языковых выражений, мы говорим об их изометрии: *Vesna idët!* – *Vesna idët!*; изометрия – <...> симметрия повторения, воспроизведения» [2, с. 90]) *And from a heart as rough as Esau`s hand – жёсткое, как длань Исава, сердце*; асимметрия («При инверсии исходного выражения мы получаем обратное, зеркальное соответствие: *Vesna idët!* – *Idët vesna!*» [2, с. 90] ) *He answer`d – молвил граф*; диссимметрия («При деформации исходного выражения получается соотношение диссимметрии: *Vesna idët, природа пробуждается – Приход весны пробуждает природу*» [2, с. 90]). *The passions of her mind, as winds from all the compass shift and blow, made war upon each other for an hour, till pity won. – Мысли, как вихри, закружились в ней и долго вели борьбу, пока не победило их состраданье.*

Таким образом, рассмотрев стихотворение А. Теннисона “Godiva” и его перевод на русский язык И. А. Буниным, приходим к выводу, что перевод в целом адекватен оригинальному тексту в сохранении нарративных стратегий. Различие же, главным образом, заключается в том, что бунинский перевод же по сравнению с оригиналом отличается большей сложностью парадигматической организации, что свидетельствует о большем богатстве его содержательной стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой англо-русский словарь. В двух томах. / Под общим руководством И.Р. Гальперина. Том II. М.: Сов.Энциклопедия, 1972. 863 с.
2. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 288 с.
3. Бунин И.А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 7. М.: Воскресенье, 2006. 512 с.
4. Воздвиженский В. Вечные образы // Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
5. Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина. Текстология. 2014. URL: [ivbunin.ru/img/Двинятина%20Т. М.%20Бунина%20Текстология%20\(1\).pdf](http://ivbunin.ru/img/Двинятина%20Т.М.%20Бунина%20Текстология%20(1).pdf). (Дата обращения: 1 марта 2020 года).
6. Маковский М.М. Феномен ТАБУ в традициях и в языке индоевропейцев: Сущность, формы, развитие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 280 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. 924 с.
8. С. Есенин и его окружение: А. Мариенгоф – Н. Клюев – С. Клычков. Сопоставительный анализ лексики. / Под науч. ред. И.И. Степанченко. Коллективная монография. Харьков: Издатель Иванченко И.С., 2016. 240 с.
9. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.

REFERENCES

1. Bol`shoy anglo-russkogo slovar`: V dvuh tomah. / Pod obshim rukovodstvom I.R. Gal`perina. Tom II. M.: Sov. Encyklopediya, 1972. 863 s.
2. Borbot`ko V.G. Printsipy formirovaniya diskursa: Ot psiholingvistiki k lingvosinergetike. M.: Knizhny dom “LIBROKOM”, 2011. 288 s.
3. Bunin I.A. Polnoye sobraniye sochineniy v 13 tomah. T. 7. M.: Voskresenye, 2006. 512 s.
4. Vozdvizhenskiy V. Vechnye obrazy // Slovar` literaturovedcheskih terminov. M.: Prosvesheniye, 1974. 509 s.
5. Dvinyatina T.M. Poeziya I.A. Bunina. Tekstologiya 2014. URL: [ivbunin.ru/img/Двинятина%20Т. М.%20Бунина%20Текстология%20\(1\).pdf](http://ivbunin.ru/img/Двинятина%20Т.М.%20Бунина%20Текстология%20(1).pdf). (Data obrasheniya: 1 marta 2020 goda).
6. Makovsky M.M. Fenomen TABU v trafitsiyah i v yazyke indoyevropeytsev: Sush`nost`, formy, razvitiye. M.: Knizhny dom “LIBROKOM”, 2012. 280 s.
7. Ojegov S.I. Slovar` russkogo yazyka. M.: Russkiy yazyk, 1989. 924 s.
8. S. Yesenin i yego okruzeniye: A. Mariyengof – N. Kluyev – S. Klychkov. Sopotavitel`ny analiz leksiki. / Pod nauch. red. I.I. Stepanchenko. Kollektivnaya monografiya. Khar`kov: Ivanchenko I.S., 2016. 240 s.
9. Eco U. Skizat` pochti to zhe zamoye. Opyty o perevode. SPb.: Simpozium, 2006. 574 s.

(Статья поступила в редакцию 10 января 2020 г.)

Проскурин Иван Андреевич – аспирант кафедры славянских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. ORCID ID 0000-0003-4922-223X. E-mail: sintaksisesperanto@gmail.com.